

Свадебные сады¹: генезис и символика

В литовской литературе по этнологии вопрос о происхождении свадебного сада не был тщательно проанализирован, а его символика вызывает разные и даже противоречивые мнения. Имеющийся собранный этнографический и фольклорный материал литовского и соседних народов и проведенный его сравнительный анализ, античные мифы позволяют сделать предположение о том, что свадебный сад связан с культом дерева, с антропоморфическим пониманием дерева в древнем мировосприятии, выражающимся в отождествлении человека и дерева.

Античные мифы показывают, что деревья (особенно вечные, т. е. цветущие и зимой и летом) были мифологизированы уже в самой древней культуре. В зависимости от среды обитания, климата и образа жизни разные народы мифологизировали разные растения, однако все они выражали ту же символику плодородия, плодovitости, новой жизни. Таким же символом считается и литовский свадебный сад, который до XIX в., а кое-где и до начала XX в. сохранил архаичный вид (украшенная зеленью, бумажками верхушка или ветка елки).

С конца XIX в. известен свадебный сад другого вида – многоугольник из соломы. Материалы этих садов отличаются, однако символическое их значение (гарантировать молодым всестороннее плодородие) остается тем же.

В XXI в. сады, по словам самих плетельщиков, стали символом дома, сада, родного гнезда, в которое мы возвращаемся и которые охраняют души умерших предков, связи между будущим и прошлым (между поколениями), мостом между новым и старым, на свадьбе – символом новой жизни, надежды.

Ключевые слова: свадебные сады, символика, обычаи, фольклор.

Постановка научной проблемы и ее значение. Описания свадебного обычая, известного в северной, восточной, юго-восточной и даже западной Литве – обычая мастерить сад и обряд его выкупа в день свадьбы, – известны нам только с конца XIX в. Этот свадебный символ в отдельных районах Литвы имеет разные названия: *liktorius* (рай. Варены, Паневежиса); *voras* (рай. Укмерге.) *vorys* или *pajonkas* (Сувалки, польск. *pajqk* – паук); *pajokas* (Кайшядорис), *žarondeliai* (рай. Игналина); *reketukas*, *rekėžis*, *krijelis*, *širšūonas*, *dangus*, *rojus* (окр. Купишкиса), *karulys* (Малая Литва). Одни названия (*liktorius*, *žarondėliai*) появились из дополнительного назначения сада (если вставить свечи, можно освещать помещение), другие (*voras*, *vorys*, *pajonkas*, *širšūonas*) – из сходства с паутиной или осиным гнездом, третьи (*reketukas*, *rekėžis*, *krijelis*) – из материалов, используемых для изготовления сада, четвертые (*dangus*, *rojus*, *karulys*) – связаны с тем, что висит, что находится выше, над свадебным столом или землей.

По-разному звучат соответствующие литовскому свадебному саду названия в соседних странах: латыши называют его *puzurs*, поляки – *rozga weselna*, *wiecha*, *wienec*; чехи – *strom*, *stromek*; болгары – *iloja*; словенцы – *kroval*; украинцы – *jelce*, *gilce*, *vilce*, *rizka*; белорусы – *jelce*, *sady*, *elka*; русские – *elka*, *sady*, *kurnik*, *devja krasota* [3, с. 76-77].

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. ОБРАЗ И МАТЕРИАЛ СВАДЕБНОГО САДА. В этнографических описаниях свадьбы конца XIX в. – начала XX в. образ и материал, из которого делают свадебный сад, в разных регионах и даже округах Литвы варьируются. Дзукийский сад конца XIX в. – это достаточно большая еловая ветка, украшенная травами, зимой – бумагой, висящая над «главным столом». Рядом вешаются светильники, которые, согласно Т. Бразису, делаются следующим образом: «Вонзая щепки в редьку или свясло, делают три-четыре так называемых свечи, которые также подвешивают под потолком» [8, с. 221-223; 22, с. 528]. В памяти респондентов из Дзукии, родившихся в начале XX в., свадебный сад – это катушка из соломы или верхушкой вниз подвешенная елка,

¹ Сад – свадебное украшение, вешается во время свадьбы над столом.

украшенная цветными бумажками, конфетами, яблоками [26, с. 327]. По свидетельству Винцаса Креве–Мицкявичюса, дзуки в то время делали сады (*liktoriai* или *pajonkai*) из соломы, которую разрезали на равные отрезки и надевали на нить так, чтобы получился большой многоугольник, составленный из множества маленьких многоугольников. Здесь же В. Креве–Мицкявичюс замечает, что сегодня (т. е. в начале XX в.) такой обычай делать сад (*liktoriai*) уже начинает исчезать [16, с. 36]. Это подтверждают и записи воспоминаний Розы Сабаляускене. Она утверждает, что в окрестностях Пувочай (рай. Варены) в начале XX в. сады уже не делали. Вместо них над столом вешали люльку с тряпичной куклой, которая снималась после того, как сват выкупит свадебный стол у гостей [2, с. 335]. Обычай вешать над столом люльку с куклой в середине XX в. известен и жителям Пакруойиса. Но они, в отличие от дзуков, вешали люльку не вместо, а под садом (вместо птицы?). Охраняющие колыбель с ребенком гости, качали ее и велели молодым колыбель поймать. От того, кто первый поймает, зависело, кто у молодых родится первым – сын или дочь [27, с. 92].

Сад жителей Утены в конце XIX в. – это украшенная яблоками, баранками, конфетами елочка, внутри которой спрятан *agradnykas* (аградникас) – «баночка водки или вина» [1, с. 23]; и «к потолку подвешиваемая елка или соломенный домовый – широко известное комнатное украшение, сделанное из нанизанной на нить соломы» [22, с. 582]. Сад жителей Аникшя по данным рукописи 1893 г. – это подвешанные под потолком свекла, морковь, брюква, фрукты, конфеты, украшенные цветными бумажками, ягодами, цветами, зеленью [3, с. 75]. Жители Купишкиса (по данным рукописи 1885 г.) в конце XIX в. делали сад из соломы и цветов в форме шара, вешали над столом. По утверждению Балиса Бурачаса, свадебный сад делали двумя способами: иногда украшалась верхушка елки, а иногда – обыкновенные мотовила для ниток. Верхушку елки или мотовило женщины, по свидетельству Бурачаса, «оплетали зеленью, резаными бумажками и блёстками, вешали морковь, луковицу, чеснок, иногда и кочан капусты». Обязательно «в саду» должна быть хотя бы пара яблок и несколько гроздей неочищенных орехов <...> «В саду» есть и садовник с женой, сделанные из свеклы, пара куколок: одна мужского пола, а другая – женского, и воробушек. Также крепили сальные свечи, которые при необходимости зажигали. Важным является обобщающее замечание Б. Бурачаса о том, что «теперь такие сады не делают» [10, с. 358]. «Теперь» означает четвертое десятилетие XX в., т. к. именно тогда в первом номере «*Tautosakos darbai*» Б. Бурачас опубликовал описанные в окрестностях Купишкиса свадебные обычаи [9, с. 195-278]. Здесь же отмечено, что 40-50 лет назад (т. е. уже в конце XIX в. или в начале XX в. – Р. Б.) свадебные сады начали плести из разрезанной и нанизанной на нити соломы одинакового размера – по восемь стебельков, – получая таким образом «гнезда», которые объединены в одно. Другие элементы сада сохраняются, однако в садах XX в. появляется все больше конфет. Такие сады, согласно Б. Бурачасу, в окрестностях Купишкиса плетутся по сей день (т. е. в четвертом десятилетии XX в. – Р. Б.) [9, с. 231]. Подобным образом свадебный сад того периода описывает и Эльвира Дулайтене-Глемжайте. Она утверждает, что сады жителей Купишкиса бывали разными (в форме ромба, куба, бочки). Одни делались из соломы, другие – из свиной щетины, третьи – на скорую руку из вороба (лит. *krijelis* – снаряд для наматывания ниток), оплетенного зеленью. Обязательным украшением сада, по замечанию Э. Дулайтене-Глемжайте, была соломенная птица, которую привязывали в нижней части сада [11, с. 350].

Хотя в литературе по этнологии (начиная с Й. Балджюса) утвердилось мнение о том, что свадебный сад известен только в северной, восточной и юго-восточной Литве, но, по всей видимости, пришло время исправить эту ошибку. Это позволяет сделать еще в начале XIX в. опубликованный Эдуардом Гизевинюсом труд «*Tilžiškių lietuvininkų parvedliavimo aprašymas*», где очень выразительно обрисован украшенный угол невесты: «...для украшения угла невесты на потолок вешали три подвески, сплетенные из самшита и барвинка, еще бóльшую пышность придавали золоченые яблоки и ожерелья из ягод;

цветные вырезки из бумаги, часть которых свисала с потолка, а другая размещалась среди зелени – лошади, коровы, птицы, сети и колосья... » [18, с. 149]. Аналогично угол невесты («трон и почетное место молодых») изображен и в другом описании свадьбы летувининков первой половины XIX в.: «на шелковых нитях качались яблоки, деревянные птички, бумажные цветы и т.д., чаще всего украшенные золотой и серебряной пеной, а в середине висела плетеная подвеска с самыми красивыми украшениями». Между прочим, по утверждению неизвестного автора описания свадебных обычаев, в конце торжества, когда невеста вступает в брак, а ее платок сменяет тюрбан, украшенный угол невесты разрушали, стараясь «прихватить что-нибудь для себя», поэтому «заботливые руки перемещали эту подвеску как исключительную собственность невесты в безопасное место» [18, с. 187-188, 194].

Жемайтам свадебный сад (по крайней мере такое наименование этого свадебного символа) не известен, однако в начале XX в. свадебные описания указывают на то, что функции свадебного сада здесь выполняют разные элементы украшения дома, в котором проходит свадьба, и повозок гостей. Так дом невесты перед свадьбой украшался венками, которые зимой плели из елок, можжевельника, брусники, мирты, лаванды, руты; летом – из дуба, клена и других лиственных деревьев или цветов; в доме жениха полы и дорожки усыпали мелкими веточками зеленых елок, комнаты и прихожую украшали венками, а «под потолком на нитях подвешивали птенчиков из бумаги или яичной скорлупы». Подобным образом перед поездкой в церковь украшали и повозки гостей, а на краю повозки свата «зимой ставили 4 и 6 елок, в теплое время года столько же берез, на которые развешивали букеты, разные вырезки из бумаги или даже колокольчики». [21, с. 77, 84, 110].

Обобщая данные этнографических описаний XIX в., можно утверждать, что в конце XIX в. – первой половине XX в. в Литве доминируют свадебные сады двух видов, существенно отличающиеся как своей формой, так и материалами, из которых они сделаны: а) украшенная верхушка (ветка) елки или ее имитация; б) многоугольник из соломы.

По данным конца XIX в. – первой половины XX в. свадебный сад (*różga weselna*) варьируется и в соседней Польше, однако здесь (в отличие от Литвы) нет садов, сделанных исключительно из соломы (они используются только для украшения). В окрестностях Радома сад – это ветка (верхушка) сосны или груши, украшенная подвешенными на нее яблоками. В окрестностях Люблина сад украшается перьями (павлина), на его верхушку вешают яблоки. В окрестностях Кракова тоже есть сады, которые делают из веток или верхушек сосны. Однако в других местах сад может быть украшен и перьями петуха в свиной щетине, кусками черной и красной ткани, резаной соломой. В окрестностях Тарнува сад делают из молодого дуба. В Мазовии такой сад называют *wieniec* и делают его из елки, пихты, розмарина, мирты [3, с. 76-77]. Обобщая указанные примеры (и множество имеющихся других), можно констатировать распространение в Польше в указанный период свадебного сада, основа которого – верхушка (ветка) сосны, елки (пихты), реже – дуба, яблони, груши. Подобным образом или так же делают свадебный сад или его аналоги во многих славянских землях. Поскольку в нашу задачу не входит рассмотрение всего этнографического материала славянских народов, можно упомянуть только некоторые примеры, которые, как мы увидим дальше, подтверждают общую тенденцию.

Аналогом свадебного сада в некоторых регионах России считается *девья красота* [36, с. 183-184]. Раньше это была елка или березка, украшенная цветными бумажками, бантами, которая крепилась к углу дома, коньку или к столбу ворот; позднее – украшение из бантов, головной убор. В день свадьбы этот символ невесты восхвалялся в песнях близких подружек невесты:

*Раздайся, народ,
Растолкайся, народ,*

*Девья красота идёт.
Не сама она идёт, —
Красна девица несёт.
Посмотри, наша подруженька,
На свою-то девью красоту,
На свою-то красовитую;
Что ведь этому-то деревцу
Не бывать два раза в зелени.
Красота, девья красота! [37]*

Эту воспетую «девичью красоту» выкупает жених, после чего ее крепят к саням (колесам), на которых молодые едут на свадьбу, а по дороге в церковь «девичью красоту» выбрасывают в поле [31, с. 347-348].

Другой аналог свадебного сада у славян – каравай. На тождество сада и каравая указывают некоторые примеры, записанные в славянских краях: в Гомельской области сад, называемый *ельца*, – это ветка елки или вишни, украшенная цветами и вставленная в свадебный пирог. Подобным образом поступают и в Рогачевском районе, а в Лидском районе каравай пекли с вставленной в его середину сосновой верхушкой и пятью веточками без коры. Из обобщения Н. Ф. Сумцова можно сделать вывод, что в XIX в. во всей России аналогом сада – *вильце* – была вставленная в свадебный пирог (каравай) верхушка сосны (зимой), яблони, груши, вишни (летом), украшенная зеленью, цветами, бантами. Верхушку вильце ниткой привязывали к забитому в потолок гвоздю (чтобы при украшении цветы негнулись) [33, с. 176]. Последний пример показывает или позволяет делать предположение о том, что раньше сад и каравай могли быть единым свадебным символом, объединяющим мифологемы дерева и злаков (срв. обряд тесмофории).

СИМВОЛИКА СВАДЕБНОГО САДА. Литовские этнологи объясняют символику свадебного сада примерно одинаково. Один из первых исследователей свадебного сада Йозас Балджюс еще в четвертом десятилетии XX в. утверждал, что «сад является символом самой невесты», а «его продажа равна продаже самой невесты» [3, с. 75]. Й. Балджюсу вторит и Пране Дундулене, которая считает сад, венок и косу невесты символами самой невесты [12, с. 154]. Ангеле Вишняускене также утверждает, что «сад как и пирог невесты (каравай) символизируют невесту, а их покупка или кража – овладение ею» [26, с. 328]. Т. Цивьян склоняется к тому, что литовский свадебный сад в форме ромба, оплетенный соломой, символизирует невинность невесты, девичество [35, с. 152]. Й. Вайшкунас, одним из первых обративший внимание на более ранний вид свадебного сада, утверждает, что сад – символ мирового дерева, а «украшение такого дерева или его верхушки к свадьбе и проводимые под ним обряды должны были символизировать процесс создания космоса» [25, с. 26-30].

Представленные в данной статье литовские и славянские примеры также позволяют предположить, что свадебный сад (и его аналоги) связан с культом дерева, с антропоморфическим пониманием дерева в древнем мировосприятии, выражающимся в отождествлении человека и дерева.

СИМВОЛИКА ДЕРЕВА. Во множестве эпических произведений и верований разных народов имеются примеры, указывающие на то, что дерево (великое, дерево мира, племени) связано с рождением и жизнью человека [14, с. 377]. Например, представителем племени тюрков в Сибири является почитаемое этим племенем (часто – несколькими племенами) дерево (например, береза, лиственница, кедр), около которого проводятся ритуалы, положительно влияющие на здоровье членов племени, их жизнеспособность, продолжение рода. В «Эдде» сказано, что в роще Ходдмимир укрылись двое, ночью будут они питаться и родят людей [28, с. 208], а из двух деревьев были сделаны первые люди [32, с. 26].

Восточнославянская неделя после Пасхи называется *вьюнины*. На этой неделе группы замужних женщин и женатых мужчин ходили к поженившимся в этом году

молодоженам с пожеланиями иметь скорее и больше детей. Женские группы идут впереди, одна из женщин «скачет» на длинном шесте или метле, на конце которой прикреплена сосновая щетка. Из песен, которые исполняют участники шествия, становится понятно, что новобрачного зовут *вьюнцом*, а молодую жену *вьюницей*:

Нашаталась ли, вьюница,

По садам и городам?

Вьюнец ты, ой, молодой!

Не хваталась ли, вьюница,

За угожи дерева?

Вьюнец ты, ой, молодой! [15, с. 79]

В последующих куплетах данной и других подобных песен характеризуются *эти* деревья. Бронислава Кербелите, подробно описавшая образы таких песен, аргументированно утверждает, что дерево (как и вода) здесь «символизирует плодородие и начало новой жизни» [14, с. 385]. Подобным образом можно было бы интерпретировать и встречающийся в литовских народных песнях образ *обрезаемых верхушек деревьев*, который сопоставляется с известным в славянских песнях образом *ломания деревьев* (чаще всего – калины, березы). Эротическую символику упомянутых образов перенял популярный ритуал русской свадьбы – *ломание калины* [34, с. 446; 33, с. 183]; белорусский свадебный каравай в форме елочной шишки [15, с. 167]; южнославянская эпическая песнь юнаков, в которой воспевается сидевшая девять лет на ели и на десятый год родившая сына мать, и т.д. [14, с. 385].

Н. Ф. Сумцов считает, что у славян в дохристианский период был обряд обводить молодых вокруг дерева. Об этом говорит не только пословица «Венчали вокруг ели, а черти пели», но и зафиксированные еще в XIX в. фрагменты подобных свадебных обрядов. Например, в Витебской губернии записано, что жених после помолвки сажает девушку в повозку, обвозит ее три раза вокруг священного дуба и заканчивает этим церемонию. Сербам XIX в. тоже был известен этот обычай. Только здесь прибывших к назначенному дубу молодых женит заранее приглашенный поп. Скорее всего, таким местом обряда до конца XIX в. был и сосновый бор во Владимирской губернии, называемый *Свадебки*. Обычай вешать одежду невесты на дерево (после свадебного обряда очищения) встречается в древней Индии, а болгары водили невесту к дереву, где молодые люди снимали и вешали на ветки символизирующий девичество головной убор [33, с. 177, 181, 183].

В письменных источниках, приписываемых балтам, информации о дохристианских свадебных обрядах в священных лесах или около особых деревьев нет. Однако данные о почитании священных рощ, отдельных деревьев – дуба, ясеня, ели, липы и др., через которые люди призывали древних богов, обнаруживаются уже с XI в. [4; 6, с. 213-217]. Почитание особенных деревьев – местопребывания богов, о чем свидетельствуют работы Матаса Приториуса и других авторов того времени, сохранилось до конца XVII в. [5, с. 230–232], а вера в жизненную силу вечноцветущих, раньше других распускающихся деревьев, по данным этнографических календарей, описаний рабочих, семейных праздников, фольклора, сохранилась до сих пор. Особенно это касается свадебных песен:

«Aš išgenėsiu

Pušiu šakeles,

Kad nenubrauktu

Jos vainikėlio» [19, с. 534 (№ 632)].

«Un tu pušiu šakytėliu

Rūteliu vainikas

Rūteliu vainikas» [23, с. 365-367 (№ 1468)].

Процитированные куплеты литовских народных песен коррелируют с ранее рассмотренными примерами славянских песен и считаются отражениями ритуального поведения, а повторяющиеся в них образы *верхушки сосны, сосновых веточек* –

символами зрелости, плодovitости, перехода в статус замужней женщины. Такие же символы можно найти в свадебных речах и верованиях. Например, речь свата с призывом поздравить молодую: «Prašom prie stalo Povilo Birono. Ne vieno, o su pušele, su šakele, dar ir su šučkele atsisveikint Onulę, kuri rengiasi į tolimą kelionę... » (Просим к столу Повиласа Биронаса. Не просто к столу, а с сосенкой, с веточкой, попрощаться с Онуле, которая отправляется в долгий путь...) [2, с. 335]. Ну, а верование (оно очень похоже на описанный славянский обычай во время выюнин) указывает, что во время проведения молодой жены через избу мужа в первый раз нужно осыпать дорожку пеплом и мести сосновой метлой, – тогда она будет плодovitой [24, с. 94].

Сосна связана со многими античными богами, так или иначе влияющих на продолжение человеческого рода, постоянное обновление животного и растительного мира, – Дионисом (почки этого растения украшали скипетр бога Диониса, а его алтарь украшали сосновые гирлянды), Артемидой, Деметрой, Кибелой, Посейдоном, Паном (голову Пана венчал сосновый венок), Сильваном, Аттисом (мать богов Кибела превратила Аттиса в вечнозеленую сосну) и т. д. Особенное внимание следует обратить на античный праздник, посвященный Кибеле и ее сыну Аттису – богу растительности. Во время мистерии, которая проходила в период весеннего равноденствия, римляне переносили в храм на холме Палатин завернутую в холст и украшенную перелесками сосну – тело умершего Аттиса. На третий день старший жрец резал себе руку и жертвовал свою кровь богу Аттису (опрыскивал кровью сосну) и торжественно объявлял о его воскрешении. Такие мистерии должны были гарантировать хороший урожай и приплод скота [30, с. 81].

Вечнозеленая сосна считалась важной частью жертвоприношений и во время тесмофорий. Этот праздник, в котором участвовали только женщины, посвящен Деметре и Персефоне. Во время ритуала, который начинается в июне или июле, приносят в жертву поросят. Их прячут (сбрасывают) в специальных подземных погребках, называемых святилищами Деметры. Вместе с поросятами в погребка кидали изделия из теста и веток пинии (итальянской сосны) с шишками в форме фаллоса или змеи. Во время тесмофории специально назначенные женщины (жрицы?) все это приносили из погребка к алтарю Деметры, а после смешивали с готовыми к посеву семенами [29, с. 108]. Целью данного ритуала был не только богатый урожай, но и как можно бóльшая рождаемость здоровых детей. Поэтому третий день тесмофории посвящен успешным родам, с надеждой на хороших и здоровых потомков [29, с. 109]. Здесь важна не только символика сосны, но и символика сосновой шишки (сосновая, а еще больше еловая шишка считается «искрой жизни», символом начала и отождествляется с фаллосом (срв. с описанным караваем в форме фаллоса)).

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Рассмотренные примеры обычаев литовского и соседних славянских народов, античные мифы показывают, что деревья (особенно вечные, т. е. цветущие и зимой и летом) были мифологизированы уже в самой древней культуре. В зависимости от среды обитания, климата и образа жизни разные народы мифологизировали разные растения, однако все они выражали ту же символику плодородия, плодovitости, новой жизни. Таким же символом считается и литовский свадебный сад, который до XIX в., а кое-где и до начала XX в. сохранил архаичный вид (украшенная зеленью, бумажками верхушка или ветка елки).

С конца XIX в. известен свадебный сад другого вида – многоугольник из соломы. Подобные сады хорошо знакомы латышам, а еще больше и, вероятно, раньше – народам Скандинавии [7]. Материалы этих садов отличаются, однако символическое их значение (гарантировать молодым всестороннее плодородие) остается тем же. Только в данном случае оно выражается через мифологему соломы / злаков. Эта гипотеза основана на примерах обычаев и верований литовского и соседних народов. Например, в начале XX в. в районе современного города Швянченис все еще существовал обычай во время свадьбы ставить снопы ржи в огороде или в избе, украшать его и водить вокруг хоровод [20, с. 205]. В

опубликованной в 1880 г. статье Е. Iwaszkiewiczowa пишет, что на свадьбе жителей Швянчениса привезенная в дом мужа молодая жена у ворот усадьбы находила пучок соломы. На этот пучок молодая жена клала буханку хлеба, а сваха завязывала ленту [13, с. 53]. Похожий обычай в начале XVII в. известен и Теодору Лепнеру. Привезенную молодую жену у ворот встречают «две старые женщины с поставленным на дороге пучком соломы, который нужно переехать» [17, с. 168]. Для сравнения можно упомянуть, что индусы сажали невесту на солому, а русские в домах некоторых губерний, где проходила свадьба, устилали пол соломой, в других местах – соломой устилали дорожку от дома невесты до церкви. Поляки осыпали избы соломой перед Рождеством, сербы – перед Новым годом, русские – на новоселье [33, с. 185].

Во второй половине XX в., когда обряд купли свадебного сада стал забываться (в конце XX в. осталась только инсценировка «захвата стола», называемая «куплей сада»), частично изменилась и символика самого сада. Известные сегодня и распространенные во всей Литве сады из соломы, которые вешаются над праздничным столом дома, используются как деталь декора домашнего интерьера, а осенью 2012 г. в Саламиестисе (рай. Купишкиса) открыли музей соломенных садов и звезд [38]. В XXI в. сады, по словам самих плетельщиков, стали символом дома, сада, родного гнезда, в которое мы возвращаемся и которые охраняют души умерших предков, связи между будущим и прошлым (между поколениями), мостом между новым и старым, на свадьбе – символом новой жизни, надежды; в будни – защиты дома от гнева Перкунаса [39], во время весеннего равноденствия – символом единства с природой, гармонии [40].

Источники и литература

1. Akiras. Kaimo vestuvinkai. Išleido Amerikos lietuvis Juozas Balčiūnas. Kaunas, 1930, 31.
2. Atbėga elnias devyniaragis. Rožės Sabaliauskienės tautosakos ir etnografijos rinktinė. Sudarė ir parengė Pranė Jokimaitienė ir Norbertas Vėlius. Vilnius: Vaga, 1986, 432.
3. Baldžius Juozas. Rinktiniai raštai. Etnologijos ir tautosakos baruose. Sudarė ir parengė Stasys Skrodenis. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2005, 555.
4. Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. T. I. Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996, 742.
5. Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. T. III. Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2003, 840.
6. Beresnevičius Gintaras. Lietuvių religija ir mitologija. Sisteminė studija. Vilnius: Tyto alba, 2004, 291.
7. Bondjers Rune, Danielsson Hams Ulla. Oro, himmel, spindel... takkronor av halm och andra material. Tryckt hos Stralins Tryckeri AB, Grycksbo, 1989, 48.
8. Brazys T. Lietuvių liaudies daina vestuvėse. Tauta ir žodis. T. II. Kaunas, 1923, 190-238.
9. Buračas Balys. Kupiškėnų vestuvės. Tautosakos darbai. T. I. Kaunas, 1935, 195–278.
10. Buračas Balys. Lietuvos kaimo papročiai. Vilnius: Mintis, 1993, 526.
11. Dulaitienė-Glemžaitė Elvyra. Kupiškėnų senovė. Etnografija ir tautosaka. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1958, 470.
12. Dundulienė Pranė. Senieji lietuvių šeimos papročiai. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1999, 283.
13. Iwaszkiewiczowa E. Wesele w powiecie Święciańskim. Upominek Wileński. Wilno, 1880, 33-64.
14. Kerbelytė Bronislava. Lietuvių tautosakos kūrinų prasmės. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2011, 440.
15. Kerbelytė Bronislava. Slavų folkloras. Tekstų rinkinys. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2012, 488.
16. Krėvė – Mickevičius V. Dzūkų vestuvės. Mūsų tautosaka. T. II. Kaunas, 1930, 17-93.

17. Lepneris Teodoras. Prūsų lietuvis. Parengė Vilija Gerulaitienė. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2011, 257.
18. Lietuvininkai. Apie Vakarų Lietuvą ir jos gyventojus devynioliktame amžiuje. Paruošė Vcys Milius. Vilnius: Vaga, 1970, 454.
19. Lietuviškos svotbinės dainos užrašytos Antano Juškos ir išleistos Jono Juškos. T. I. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1955, 871.
20. Merkienė Regina. Augalai XX a. lietuvių pasaulėjautoje: realija simbolių sistemoje. Augalų ir gyvūnų simboliai. Senovės baltų kultūra. Vilnius: Kultūros ir meno institutas, 1999, 193-214.
21. Mickevičius Juozas. Žemaičių vestuvės. Mūsų tautosaka. T. VII. Kaunas, 1933, 47-125.
22. Slaviūnas Zenonas. «Svotbinės rėdos» pastabos ir paaiškinimai. Lietuviškos svotbinės dainos užrašytos Antano Juškos ir išleistos Jono Juškos. T. II. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1955, 569-594.
23. Sutartinės. Daugiabalsės lietuvių liaudies dainos. T. III. Sudarė ir paruošė Z. Slaviūnas. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1959, 773 (№ 1468).
24. Šeškauskaitė Daiva. Sutartinės – senovės apeiginės giesmės. Kaunas, 2001, 168.
25. Vaiškūnas Jonas. Sodas ir Visata. Liaudies kultūra. 1992. Nr. 4. P. 26-30.
26. Vyšniauskaitė Angelė, Kalnius Petras, Paukštytė Rasa. Lietuvių šeima ir papročiai. Vilnius: Mintis, 1995, 548.
27. Vyšniauskaitė Angelė. Vestuvės. Šiaurės Lietuvos kultūra. 1. Papročiai. Sudarytojas Vytautas Didžpetris. Kaunas: Žiemgalos leidykla, 2007, 81-106.
28. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Библиотека всемирной литературы. Москва, 1975, 750.
29. Зайцев Александр Иосифович. Греческая религия и мифология. Курс лекций. / Под редакцией Л. Я. Жмудя. С.-Петербург, 2005. – С. 205.
30. Культура Древнего Рима. Т. II. / Отв. ред.: Голубцова Е. С. Москва: Наука, 1985. – С. 429.
31. Лаврентьева Л. С., Смирнов Ю. И. Культура русского народа. Обычаи, обряды, занятия, фольклор / Л. С. Лаврентьева, Ю. И. Смирнов. – Санкт-Петербург: Паритет, 2005, С. 464.
32. Младшая Эдда / Издание подготовила Ольга Смирницкая и Михаил Стеблин-Каменский. Ленинград, 1970. С. 253.
33. Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских / Н. Ф. Сумцов. – Харьков, 1881. – С. 206.
34. Усачева В. В. Калина. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Никиты Толстого. Т. 2. Москва, 1999. – С. 687.
35. Цивьян Т. В. К мифологеме сада. Текст: семантика и структура / Ответственный редактор Т. В. Цивьян. Москва: Наука, 1983. – С. 140-152.
36. Шаповалова Г. Г. Культ дерева в русском свадебном обряде и свадебной лирике. Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / Г. Г. Шаповалова. – Ленинград: Наука, 1984. – С. 254.
37. Режим доступа: <http://live.kostromka.ru/matveevo/weddings/>. Дата обращения: 2012.11.23.
38. Режим доступа: http://www.lrt.lt/naujienos/lietuvoje/2/6991/siaudiniai_sodai_saugo_namus_nuo_nelaimiu_ir_nesa_sekme. Дата обращения: 2012.11.21.
39. Режим доступа: <http://www.selonija.lt/2011/03/22/vabalninko-muziejuje-prazydosodai/>. Дата обращения: 2012.11.21.
40. Режим доступа: <http://alkas.lt/2011/03/20/%e2%80%9esventaragio-sodai%e2%80%9c-dziugino-siela/#more-15000>. Дата обращения: 2012.11.21.

Rimantas Balsys. Wedding gardens: genesis and symbolism. Descriptions of a well-known wedding tradition in northern, eastern and south-eastern parts of Lithuania – to create a straw garden and a ritual of buying it

by a matchmaker on the wedding day – reach us only from the end of the 19th century. In Lithuanian ethnological literature, the question of the wedding garden genesis basically is not analyzed, and what concerns its symbolism, there are quite different and even conflicting opinions. In this article, basing himself on the ethnographic and folkloric sources of Lithuanians and neighbouring peoples (Latvian, Russian, Belarusian, Polish, Ukrainian, Finnish, and Swedish), as well as a variety of ancient sources the author tries to reveal the beginnings of a wedding garden, and follow the changes of its form and symbolic meanings from antiquity to these days.

In the 19th–20th centuries the wedding garden in different places of Lithuania was also known as *liktorius*, *voras*, *pajonkas*, *žarondėliai*, *reketukas*, *rekėžis*, *krijelis*, *širšuonas*, *dangus*, *rojus*, *karulis*. The Latvians called it *puzurs*, the Poles – *rozga weselna*, *wiecha*, *wienec*; the Czechs – *strom*, *stromek*; the Bulgarians – *iloja*; the Slovenes – *kroval*; the Ukrainians – *jelce*, *gilce*, *vilce*, *rizka*; the Belarusians – *jelce*, *sady*, *elka*; the Russians – *elka*, *sady*, *kurnik*, *devja krasota*.

In the 20th century, wedding gardens were made only of straw, but according to the data of the ethnographic descriptions of the 19th century in Northern, eastern and Southern Lithuania the wedding garden was made mostly of a fir tree top, decorated with colorful pieces of paper, apples, nuts, berries, and (sometimes) burning candles. In a similar way, in the 19th century the wedding sign was popular in the Slavic lands. For example, in Poland the wedding garden (*różga weselna*) then was a branch (top) of the pine, pear, fir, oak or silver fir decorated with apples. A wedding garden's analogue in some Russian regions was a *devja krasota*. Previously it was a fir or birch, decorated with colorful papers, ribbons and attached to the corner of the house, the ridge or the gate pole, then it was a decoration of bands or headgear.

These examples allow making an assumption that the wedding garden was connected with the tree cult, an anthropomorphic conception of trees in the old emotional attitude – identification of a man and tree. Similar paradigms we find in ancient culture – cults of Cybele, Attis, Demeter and Persephone.

Key words: wedding garden, symbolics, custom, folklore.